

УДК 81'25

ПЕРЕВОД КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Юлия Михайловна Алексеева

аспирант кафедры испанского и итальянского языков

Иркутский государственный лингвистический университет

664025, Иркутск, ул. Ленина, 8. julyulia@gmail.com

В статье предпринят анализ текста перевода как интертекста, обусловленный возможностью представления единиц перевода в качестве интертекстуальных единиц. Единицы перевода и интертекста рассматриваются как элементы прототипической категории, структура которой предопределена вторичным дискурсивным статусом изучаемых типов текста. В соответствии с заявленной тематикой объектом категоризации в ряду разноуровневых единиц перевода является предложение переведенного текста, определяемое как цитата претекста или оригинала. Было установлено, что общим критерием, оказывающим влияние на весь текст, как для единиц перевода, так и для цитат служит точность воспроизведения на фоне происходящих в них преобразований, характеризуемая в теории перевода понятием эквивалентности. Этот критерий позволил выделить в составе прототипической категории рассматриваемых единиц ядерные и периферийные члены класса в зависимости от степени и характера их межъязыковых преобразований и, как результат, проанализировать на предмет точности воспроизведения претекста весь текст перевода в качестве комплексной цитаты оригинала.

Ключевые слова: перевод; интертекст; единицы перевода; единицы интертекста; прототипическая категория.

В современной лингвистике к изучению понятий, находящихся в сфере разных направлений, но имеющих общий для них базис исследований, широко применяется междисциплинарный подход. Это позволяет расширить область знаний и представлений о предмете исследования, а также дать ему более полную характеристику. Одним из центральных объектов в этом плане является текст, на основе которого строятся многие исследования в рамках различных лингвистических дисциплин. Так, например, текст является общим объектом анализа при изучении таких, на первый взгляд разных, лингвистических явлений, как перевод и интертекст. По меньшей мере, этот факт допускает возможность применения к ним междисциплинарного подхода. Между тем более тесное обращение к этой проблеме предоставляет дополнительные основания для такого подхода.

Классическое понимание интертекста было введено Р. Бартом, в соответствии с которым «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах...» [Barthes 1973: 78]. Он также отмечает: «...текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [Барт 1989: 428]. Феномен интертекстуальности впервые был показан Ю.Кристовой, согласно которому «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это

впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Кристева 2004: 167]. С точки зрения лингвистики это означает, что любой текст обладает свойством референтности (или иначе референции), традиционно описываемой в лингвистической литературе как «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [ЛЭС 1990: 411], которыми в данном случае выступает другой текст или претекст. В этом смысле перевод является наиболее явным отражением этого свойства, поскольку если во многих других типах текста это свойство присутствует имплицитно, то текст, изначально заявленный как перевод, эксплицитно отсылает к источнику и его автору. Соответственно, можно говорить о переводе как об интертекстуальном образовании *par excellence*. Опираясь на теорию Р. Барта, согласно которой «текст ... образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт 1989: 418], можно сказать что текст перевода состоит из разноуровневых и поликомпонентных элементов оригинала, определяемых переводоведением в качестве единиц перевода (ЕП), которые в широком понимании цитируют претекст. В конечном счете, весь текст перевода,

как и любой другой текст, представляет собой «раскавыченную цитату» [Барт 1989: 486].

Таким образом, текст перевода рассматривается как взаимосвязанный комплекс цитат (в пределе – единая комплексная цитата), обладающий признаками текстуальности.

В подтверждение выдвигаемой в настоящем исследовании гипотезы о переводе как интертекстуальном образовании применяется когнитивный подход. Единицы перевода и / или интертекста категоризируются в качестве ядерных и периферийных членов класса в зависимости от характера и степени их преобразования, что позволяет по-новому оценить данный дискурсивный продукт, уточнив его языковые характеристики в терминах иного метаязыка.

В современной филологии традиция исследования текста-перевода как интертекста восходит к работам П. Торопа, Г. В. Денисовой, Н. А. Кузьминой и некоторых других исследователей. Так, П. Тороп отмечает: «В одном интертекстуальном пространстве текст зарождается... В другом интертекстуальном пространстве текст воспринимается и оказывается в сфере более или менее случайных связей с другими текстами, приобретая новые смыслы и теряя часто исконные. Перевод может оказаться совмещением этих интертекстуальных пространств и переносом в третье пространство. Поэтому исследователи отмечают специфичность перевода как особенно интенсивной формы интертекстуальных связей» [Тороп 1995: 120–121].

Г. В. Денисова, по мнению которой интертекстуальное начало присуще самой человеческой культуре, определяет перевод как постоянный показатель интертекстуальных отношений, действующих как внутри одной культуры, так и при межкультурном контакте [Денисова 2001, 2003]. Репрезентация такого рода отношений происходит на этапе построения «интертекстуальной энциклопедии», существующей в сознании носителей конкретной лингвокультуры. При этом в самой интертекстуальной энциклопедии, по мысли автора, могут быть выделены «устойчивое ядро», включающее канонические литературные тексты, имена исторических и культурных деятелей, важнейшие социально-исторические факты и основные памятники; детерминированный временными рамками и социальными факторами *динамичный пласт когнитивного уровня*, на котором осуществляется переосмысление и перераспределение иерархии «сильных» литературных текстов, и, наконец, *интертекстуальная периферия* – самый подвижный комплекс когнитивного уровня, представленный, как правило, нелитературными текстами или «массовой литературой» [Денисова 2001: 262].

Плодотворные попытки использования сходной модели категоризации в отношении перевода как интертекста предпринимались также Н. А. Кузьминой. В работах исследователя перевод как целое мог быть отнесен к «ядерным интертекстуальным феноменам» [Кузьмина 2001, 2004] при условии закрепления за ним особого аксиологического статуса: он должен восприниматься в качестве значимого культурного феномена.

Как представляется, применение категориального подхода в исследованиях, посвященных такому сложно определяемому понятию, как перевод, неслучайно. Категоризация есть базовая когнитивная операция, которая в узком смысле представляет собой «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [Кубрякова 1997: 45]. Посредством категоризации происходит познание предмета и определяется его природа или сущность, применение при этом прототипического подхода (Э. Рош, Дж. Лакофф, Н. Н. Болдырев и др.) позволяет ввести в категорию максимальное число ее представителей. Это важно, когда речь идет об абстрактных, трудно определяемых и не имеющих четкой согласованности среди исследователей объектах.

В теории перевода одним из таких объектов являются единицы перевода (ЕП), которые, вместе с тем, составляют основу переводческой и переводоведческой деятельности. До сегодняшнего дня вопрос о выделении, определении и в целом – о существовании ЕП остается нерешенным. В частности, А. Д. Швейцер, ссылаясь на О. Каде, относившего к единицам перевода такие разнородные величины, как слово, фразеологический оборот, предложение и текст в целом, видел терминологическую противоречивость в самом понятии ЕП, поскольку единица является величиной постоянной, тогда как единица перевода – величина переменная [Швейцер 1973: 71].

Вышеобозначенная точка зрения представляется вполне справедливой, поскольку отрезки исходного текста (ИТ) различной протяженности, выделяемые в зависимости от языкового уровня или смысловой составляющей, как ЕП не сопоставимы, поэтому к ним трудно применима какая-либо лингвистическая категория и, как следствие, анализ на метаязыковом уровне. В этой связи еще раз подчеркнем, что именно предлагаемый категориальный подход с выделением прототипа призван преодолеть трудности, связанные с такого рода неопределенностью.

Анализ различных видов ЕП, отнесенных к разным языковым уровням, показывает, что ЕП на уровне фонем (графем), морфем не могут рассматриваться в качестве прототипических, поскольку не являются самостоятельными носите-

лями значений. Перевод на уровне слов и словосочетаний также имеет ограниченную сферу применения ввиду немногочисленности пословных соответствий в разных языках и неизбежно становится буквальным.

В лингвистике по этому поводу замечено, что на уровне слова возможно изучение только лишь когнитивной функции языка (организации, хранения и передачи из поколения в поколение знаний о мире). При этом остается неохваченной другая его важная функция (в частности – для перевода как средства международной коммуникации) – коммуникативная. Переход же на уровень предложения может восполнить эту лакуну. Современным языкознанием предложение определяется как минимальная целостная коммуникативная единица, характеризующаяся предикативным и модальным значением. Оно служит ключевым средством формирования и выражения мысли о действительности и выражения отношения говорящего к ней и к самому высказыванию. Обладая лексико-грамматической и интонационной законченностью, предложение включает в себя единицы, не имеющие самостоятельного коммуникативного статуса, и при этом оно является частью текста (фрагмента текста) как коммуникативной структуры следующего уровня организации [Ахманова 1969; Кобозева 2000; Валгина 2003].

Именно предложение, на наш взгляд, более всего отвечает требованиям прототипа и может быть рассмотрено в качестве «лучшего представителя класса» ЕП. К тому же эта единица более обозрима и ею проще оперировать, в отличие от более крупных единиц, как, например, сверхфразовых единств (СФЕ), при выделении которых, помимо всего прочего, существует риск значительных смысловых потерь и преобразований, приводящих к вольному переводу.

Заметим, что показанные выше виды ЕП при прототипическом подходе можно категоризовать по-разному, т. е. в зависимости от позиции исследователя и цели его исследования. Если проводить категоризацию на основе изложенного обзора ЕП, в котором предложение выступает центральным членом категории на фоне других элементов текста, составляющих ее периферию, то такая категория по-прежнему будет репрезентирована разноуровневыми, не изоморфными элементами, что вновь не отвечает требованию постоянства единицы. Более того, при сопоставительном анализе конкретного текста перевода данная категория не функциональна, поскольку не отражает перевода в качестве результата переводческой деятельности и/или в качестве интертекста. Поэтому необходимо построение иной категории, в основе которой будут изоморфные элементы с определенным набором константных

признаков, позволяющие проводить их сравнение в текстах переводящего языка (ПЯ) и исходного языка (ИЯ).

Фактически при прототипическом подходе возможно создание категории из любой ЕП, выделяемой современной наукой. Однако в настоящем исследовании анализ комплекса актуализированных единиц категории на уровне, например, морфемы или слова все также не позволяет оценивать переведенный текст (ПТ) как целое или судить о том, что он собой представляет как интертекст, где ЕП с точки зрения теории интертекстуальности являются цитатами. В то же время категория ЕП на уровне предложений позволит сочетать исследование предложения с анализом интегрированных в него морфем, слов, словосочетаний и т.д. и даст возможность переходить на уровень межфразовых единств и текста, что необходимо для изучения перевода как интертекстуального образования.

Таким образом, в соответствии с рассматриваемой концепцией, определяющей перевод как вид интертекста, составляющие его прототипические единицы – это предложения, воспроизводящие единицы пропозиционального уровня претекста с характерными им свойствами. Соответственно, ЕП являются единицами интертекста или цитатами, включая их признаки, категоризовать которые можно было бы на основе ядерных признаков цитаты-прототипа, предложенных Т. Е. Литвиненко: 1) точностью воспроизведения элемента претекста; 2) сохранением семиотического тождества с воспроизводимым элементом; 3) обособленностью на фоне принимающего текста; 4) наличием сведений об авторе и / или источнике включения; 5) способностью функционировать как отсылка к претексту [Литвиненко 2008: 133].

Однако данная категория строилась на основе классификации единиц, выделяемых из «традиционных» интертекстов. Под ними понимались тексты, 1) включающие не только точные или измененные цитаты, но и фрагменты, не распознаваемые читателем (и даже автором) как «чужое слово»; 2) восходящие к различным источникам цитирования (нескольким претекстам), обычно на одном и том же языке; 3) содержащие цитаты различных языковых / текстовых уровней (не обязательно имеющие предикативный статус). В случае с переводом-интертекстом основным источником цитирования является тотально «чужой» претекст-оригинал. Кроме того, перевод, в отличие от интертекстов с «однойязычными» претекстами, имеет дело с разными языковыми и этнокультурными системами. Следовательно, требуется собственная трактовка прототипа категории единиц интертекста, репрезентируемых предложениями переведенного текста.

Из набора ядерных признаков цитаты наиболее релевантным для формулируемой категории будет «точность воспроизведения элементов претекста» [Литвиненко 2008: 133]. В то же время, в отличие от интертекстов в их традиционном понимании, точность воспроизведения переводов на другом языке фактически не достижима. «Поэтому оптимальное отношение подобия перевода тексту исходного речевого произведения, максимально возможное в конкретных условиях, оказывается величиной относительной» [Гарбовский 2007: 213–214]. По этой причине в теории перевода точность заменяется понятием эквивалентности, «так как эквивалентными оказываются предметы и количества равнозначные, равноценные или соответствующие в каком-либо отношении друг к другу, способные служить им выражением или заменой» [там же].

Проведенный анализ лингвистической и переводоведческой литературы, посвященной изучению формальных и содержательных параметров точности и способов их достижения, позволяет вывести критерии ядра категории единиц перевода как интертекста. К ним будут относиться следующие единицы:

1) точно воспроизводящие предикативный статус элемента претекста (статус самостоятельного предложения-высказывания);

2) сохраняющие модальность элемента претекста;

3) эквивалентно передающие смысл элемента претекста лексико-грамматическими средствами языка перевода (межъязыковыми синонимами).

Отдельно в качестве семантико-прагматического признака прототипа можно выделить также адекватную передачу в предложениях ПТ интертекстуальных включений оригинала при наличии таковых. Однако выполнение этого критерия не всегда достижимо при осуществлении переводческой деятельности ввиду культурологических, языковых и других особенностей конкретного перевода. Поэтому целесообразность задействования данного критерия в качестве ядерного при анализе определенного перевода и его единиц в том или ином случае следует устанавливать индивидуально.

При осуществлении переводческой деятельности происходят определенные межъязыковые преобразования, которые неизбежно ведут к различным модификациям как отдельных предложений, так и всего ИТ. По мысли Т. Е. Литвиненко, «перевод – это своего рода макроинтертекст, в котором переводчиком реализована предполагаемая Ю. Кристевой абсорбция и трансформация чужого текста, иногда даже весьма и весьма значительная» [Литвиненко 2002: 151]. Модифицированные в ПТ предложения в той или иной степени могут не соответствовать критериаль-

ным признакам ядра, поэтому в структуре категории требуется выделение дополнительных, отличных от ядра, областей, что расширяет диапазон категории.

Выявленные сегменты категории ЕП в интертекстуальном аспекте и их репрезентанты рассмотрим на примере перевода рассказа А. И. Куприна «Сказка о затоптанном цветке» (1910) – «Tale of a Trampled Flower» (1985), выполненного К. Лерман. Такой выбор обусловлен малым объемом текста, позволяющим при сопоставлении его с переводом оценить степень модификации как отдельных элементов оригинала, так и ИТ в целом не только теоретически, но и визуально.

Итак, единицы ядра – это предложения, точно воспроизводящие предикативные единицы претекста, но допускающие преобразования и замены, обусловленные лексико-грамматической системой ПЯ (например, наличие/отсутствие категории артикля, рода, вида глагола, глагольное управление с определенным типом предлога, пунктуационные особенности принимающего языка и пр.). Эту зону можно проиллюстрировать на следующем примере: *Этот рассказ написан для тех, кто понимает, что величайшее страдание и величайшее наслаждение – мысль. – This story was written for those who understand that the greatest suffering and the greatest pleasure is thought.*

Единицами окооядерной зоны являются предложения, характеризующиеся незначительными преобразованиями и заменами в структуре предикаций претекста (замена множественного числа единственным или межъязыковое несоответствие категории рода, части речи, члена предложения, типа предложения, опущение или добавление элементов, связанных с грамматическими нормами ПЯ и т.п.), которые могут в некоторой степени оказать влияние в том числе на прагматику высказывания.

К примеру, в предложении «*Одет в форму, то есть носит на лбу, на пуговицах, спереди и сзади какие-то эмблемы вроде орлов, топоров, звезд. – Wears a uniform – that is he wears on his forehead, buttons and front and back some emblems, like eagles, axes, stars.*» слово «wear» в значении «быть одетым» в соответствии с грамматическими нормами английского языка передано личной формой глагола, в отличие от традиционного русскоязычного употребления его эквивалента в форме краткого страдательного причастия.

Влияние на прагматику высказывания может быть проиллюстрировано следующим примером: *Точный и нежный профиль. И такие радостные, такие яркие губы. – Crisp and gentle profile, and such gay, such bright lips.* Парцелляция предложений в претексте, при осуществлении которой

каждое предложение несет самостоятельную коммуникативную нагрузку, не была воспроизведена в переводе.

В исходном предложении «*Чуть-чуть горбится, но это у нее прекрасно.*» опущенное личное местоимение добавлено в переводе: *She slumps a little, but in her this is lovely.* Это добавление вызвано нормами английского языка, согласно которым в предложениях, как правило, требуется наличие субъекта.

Подобного рода добавление можно наблюдать также в примере «*Осталось. – Something was left!*», где, помимо соблюдения грамматической нормы, имеет место повтор элемента предыдущего предложения (анафора): «*И казалось бы, читатель, что от благоуханного цветка **ничего не осталось...***». Так, первоначальный вариант «*ничего не осталось*» при повторе перешел в «*Осталось.*», утратив подлежащее-квантификатор «ничего». А в переводе «*nothing was left*» перешло в «*Something was left!*». Очевидно, что при категоризации единиц, характеризующихся некоторыми анафорическими приемами, требуется переход на уровень сверхфразовых единств. Помимо этого, в переводе данной единицы можно заметить изменение экспрессивно-эмоциональной окраски за счет пунктуационных преобразований, что также затрагивает область прагматики.

В другом примере, отражающем изменение эмоционально-экспрессивной окраски: *Ну вот представь себе: – Imagine...*, наряду с измененной пунктуацией, можно, напротив, наблюдать опущение компонентов в единице перевода по сравнению с претекстом, которое связано скорее с соблюдением не грамматической нормы или отсутствием эквивалента в принимающем языке (поскольку частице «ну вот», служащей для усиления эмоциональности высказывания в английском языке, можно было бы подобрать эквивалент, например, «well»), а со стилистическими особенностями, поскольку в английском литературном языке выражение «well, imagine» в такой коннотации практически не употребляется [British National Corpus].

Следует отметить, что поскольку при прототипическом подходе категоризация не имеет четких границ, примеры преобразований ЕП, затрагивающих прагматику претекста, при наличии грамматических и/или лексических эквивалентов, но не вносящих дополнительного смысла высказыванию или, наоборот, не лишаящих его части смысла, можно классифицировать как пересечение околоядерной области и зоны ближней периферии. Такое пересечение можно проиллюстрировать на следующей паре предложений: *Через полтора года он не мог даже представить себе ее наружности. – In a year and a half he could no longer remember what she looked like.*

В целом, единицы ближней периферии характеризуются предложениями со значительными преобразованиями и заменами в структуре предикаций претекста, изменениями грамматических параметров, семантики и прагматики высказывания.

Подобно околоядерной зоне, зону ближней периферии могут составить единицы, подвергшиеся таким синтаксическим модификациям, как членение и объединение предложений (парцелляция), сопровождаемым изменением прагматики ИТ, в частности, смещением тема-рематической организации (актуального членения), изменением эмоциональной окраски ЕП, т.е. усилением или ослаблением ее коммуникативного эффекта. Тем не менее такое смещение может иметь место и как таковое, что демонстрирует следующий пример: *И вот появляется он. – He appears.* Очевидно, что предмет данного высказывания (его темой) в оригинале является «он», что оформлено посредством непрямого порядка слов и употреблением усилительной частицы «и вот». Все это создает определенный коммуникативный эффект, в отличие от нейтрального «*He appears.*» в переводе. Понятно, что строго прямой порядок слов в английском языке ограничивает применение такого приема, и вряд ли бы он был воспринят соответствующим образом в тексте перевода. Однако в данном случае эквивалентного коммуникативного эффекта можно было бы достичь иными способами, к примеру, с помощью близкого выражения «and now».

В другом примере: «*Близится развязка. – The ending is near.*» – на фоне лексико-грамматических преобразований тема и рема исходного предложения меняются местами в переводе.

Помимо этого, данная область репрезентирована предложениями, значительные семантические преобразования которых связаны с заменой отдельных лексическо-грамматических компонентов в ПТ. Это может выражаться заменой слова с широким генерализованным значением в ИТ словом с более узким, конкретным значением в ПТ: *И ей это ничего не стоило. – Forgiveness cost her nothing.* Могут быть добавлены эпитеты уточняющего содержания: *Пробор, усы, уменье поцеловать изящную руку у дамы. – Combed hair, trimmed moustache, learned in the art of kissing ladies' hands.*

Возможна также замена, когда слова с генерализованным значением указываются в переводе при наличии слов с более узким понятием в оригинале: *Несколько бледное лицо, но без малейшего следа утомления. – Somewhat pale, but without a trace of exhaustion.* При этом в некоторых случаях эпитеты уточняющего характера в переводе могли быть опущены (*Вихрь вальса. –*

Waltz.) или заменены другими. Так, при переводе предложения «*Лестница, уставленная тропическими растениями, взятыми напрокат... – Grand staircase with rented palms...*» переводчик, по-видимому, подразумевая, что «уставленной» может быть только большая лестница, применил при переводе эпитет «grand staircase». В то же время более широкое понятие «экзотических растений» было заменено более узким «palms».

Интересным в этом отношении является пример, также сочетающий в себе эти межъязыковые преобразования: *Два лакея в нитяных перчатках. – Two servants in silk gloves.* Применительно к слову «лакей» переводчик предпочел использовать слово более широкого значения «servant» (слуга; служащий), в отличие от оригинала, несмотря на существование в английском языке эквивалентных слов (footman, lackey, manservant). В современном английском языке слово «lackey» (при отсутствии лакеев как реалии), в отличие от прямого значения, чаще используется в переносном – «подхалим, лизоблюд» [ABBYU Lingvo, British National Corpus]. В случае же со словом «нитяной», т. е. изготовленный из ниток [ABBYU Lingvo], был использован более узкий эпитет «silk», хотя в английском языке слово «нитяной» переводилось бы как «cotton» (хлопчатобумажный), что, однако, тоже имеет более узкое значение. Можно предположить, что к этим преобразованиям переводчик прибегнул для отражения реалий культуры принимающего языка, нежели реалий культуры исходного языка, которые в данном случае посчитал менее репрезентативными для представителей англоязычной концептосферы.

Дополнительно в предложениях ПТ могут иметь место лексические замены отдельных компонентов, коннотация которых напрямую не связана с сопоставляемыми предложениями ИТ, но логически может быть выведена из значения исходной единицы. Например, метафора «оранжерейная культура» в предложении ИТ: «*Оранжерейная культура, но при этом цветущее здоровье.*» – заменена в переводе: «*Nurtured indoors, but of flowering health.*» на выражение в прямом значении «nurtured indoors» (воспитана в домашних условиях). При всей эквивалентности остальных компонентов ЕП и общей семантики предложения с оригиналом эти существенные лексико-грамматические преобразования служат мотивом для включения ее в зону ближней периферии.

В другом случае: «*Весела без принуждения. – Always cheerful – without reason or incitement.*» – слово «принуждение» заменено двумя синонимами, которые не полностью передают его значение, а также добавлено слово «always», что в сумме придает этой единице перевода дополни-

тельную (по сравнению с оригиналом) смысловую окраску.

В примере «*Выждав год, он женился на другой. – A year passed, and he married another.*», наряду с грамматической заменой простого предложения, осложненного деепричастным оборотом, на сложносочиненное, имеются существенные расхождения как в семантике за счет лексических преобразований, так и в прагматике в результате смещения актуального членения предложения.

Кроме того, для единиц зоны ближней периферии может иметь место такое изменение модальности, когда отрицательная или утвердительная форма лексического компонента в предложении оригинала заменена в соответствующем ему предложении ПТ на компонент единицы с противоположным значением без искажения общей семантики единицы. В рассматриваемом тексте такое преобразование представлено антонимичной заменой в предложении «*Руки, которые любая женщина показала бы, не стыдясь, всему миру! – Hands which any woman would have proudly displayed to the world!*», сопровождаемой грамматической заменой частей речи (деепричастного оборота на наречие). Дополнительное влияние на семантику исходного высказывания оказывается за счет опущения определительного местоимения «всему».

Были также выявлены примеры, в которых, используя терминологию теории интертекстуальности, претекст не «цитировался», а заменялся единицей перевода, эксплицирующей его значение, в целях восполнения семантических лакун. Например, заимствованное из французского языка понятие *Causerie* (*Беседа*) и представленное таким же образом в оригинале переводчик предпочел перенести в ПТ, несмотря на наличие этого слова в английском языке в том же значении, но объяснить как *Light conversations*. По-видимому, на момент перевода, как и применительно к современным реалиям, данное понятие было недостаточно широко известно, чтобы быть понятным без объяснения, потому и в оригинале оно поясняется. Другая замена такого рода, «*Английские печенья. – Viennese pastry.*», вероятно, была предпринята при переводе в целях сохранения концепта иностранного, что было бы невозможно при буквальном сохранении формы в английском переводе.

Еще одним видом ЕП в зоне ближней периферии являются предложения ПТ, отдельные компоненты которых представлены в форме парафразы, в той или иной степени компенсирующей потерю или изменение некоторых семантических элементов при переводе той или иной единицы. В качестве примера можно привести следующее высказывание: *Не в некотором цар-*

стве, а также и не в некотором государстве, а в моем воображении жила однажды прекрасная девушка. – Not in some far-away country, not in some exotic land, but in my imagination, there lived a beautiful girl. Здесь речь идет об измененной уже в оригинале отсылке к фразе, с которой традиционно начинаются многие русские сказки и которая имеет достаточно близкий эквивалент в английском языке «once upon a time in a far-away kingdom», из которого в единице сохранилось лишь слово «far-away». Слова «kingdom» и «state», эквивалентные по основному значению указанным в оригинале «царству» и «государству», были заменены менее эквивалентными синонимами «country» и «land». Причем последнее было представлено в сочетании с эпитетом «exotic», вероятно, в стилистических целях, т.е. для отражения инаковости двух в общем смысле синонимичных слов. Как результат, эти преобразования значительно повлияли на семантику и прагматику высказывания. На этом конкретном примере также может быть проиллюстрирована возможность соблюдения требования адекватной передачи в единицах перевода интертекстуальных включений оригинала. Можно предположить, что интертекстуальность этого компонента не была распознана переводчиком в данном контексте, имеющем отрицательное значение. В то же время она не была переведена дословно, а перефразирована с некоторым сохранением смысла данного фрагмента высказывания.

Единицу перевода в качестве парафразы иллюстрирует и следующий пример: *Но если бы поэт захотел, он подарил бы бессмертие не только этой очаровательной тени, но даже чьим-то рукам, ласкавшим черные клавиши однажды вечером в грустном сумраке. – Yet, if the poet wanted, he could have given immortality to those hands caressing the black keys in the sad winter light.* В данном случае парафраза заключается в редукции предложения ИТ посредством опущения одной из его смысловых частей («не только этой очаровательной тени»), которая могла показаться переводчику нерелевантной или даже затрудняющей общее восприятие высказывания в переводе, а также антонимичной заменой («light» вместо «сумрак») и дополнительным прилагательным («winter»), добавленным в качестве анафоры предложения «Однажды в зимние сумерки она сидела за роялем... – One winter she was sitting by the piano...». Несмотря на то что рассматриваемое высказывание в оригинале также отсылает к этому предложению, в его переводе появляется дополнительное интертекстуальное включение, у которого нет референта в ИТ. В целом, при всех значительных лексико-грамматических модификациях, повлиявших на семантику и прагматику высказывания, его

смысл с известной степенью адекватности был передан в переводе.

Наконец, в качестве единиц дальней периферии выделяются предложения ПТ, характеризующиеся преобразованиями и заменами, искажающими структуру предикаций претекста. К их числу относятся добавления предложений, не имеющих референта в претексте, или же, наоборот, их опущения при наличии референта в ИТ, как, например, отсутствие в рассматриваемом переводе эпиграфа «*Посвящаю рыжим хризантемам*».

В итоге предложенной категоризации элементов рассматриваемого текста перевода при сопоставлении его с оригиналом было выявлено, что большинство предложений ПТ, несмотря на малый объем и простоту изложения ИТ, подверглись существенным межъязыковым преобразованиям как со стороны грамматики, так и со стороны семантики, чем обусловлено отнесение их к области ближней периферии.

Перевод, как и любой текст, обладающий признаком интертекстуальности, т.е. соотносённостью с претекстом (или претекстами), является видом интертекста, который, в определении Р. Барта [Барт 1989: 388], «соткан» из единиц-цитат, влияющих на его общее содержание и статус в ряду других интертекстов.

Несмотря на то что категоризация ЕП с учетом межъязыковых преобразований проводилась на уровне предложений ПТ, они входят в состав более крупных элементов текста – СФЕ, абзацев, глав и т. д., наконец – текста как такового. С позиции теории интертекстуальности эти элементы можно считать комплексными цитатами, где доминирование определенного сегмента категории ЕП на уровне включающих их предложений позволяет, в свою очередь, оценить степень преобразования всего рассматриваемого элемента. Для наглядности выделим в рассматриваемом ПТ ядерные единицы категории прописными буквами, околядерные – подчеркиванием, элементы ближней периферии – выделением, а дальней – зачеркиванием:

TALE OF A TRAMPLED FLOWER Посвящаю рыжим хризантемам *Not in some far-away country, not in some exotic land, but in my imagination, there lived a beautiful girl. She was even more beautiful because she was not aware of her beauty. She was slim and willowy and childishly awkward. She was kind and forgiving to all - to the flowers, to the animals, to the fish, to the elders... to human errors and weaknesses. Forgiveness cost her nothing. Because in every story it is necessary to describe the heroine, you and I, dear reader, are going to attempt to do so. Imagine... Nurtured indoors, but of flowering health. Somewhat pale, but without a trace of exhaustion. FREE, AGILE MOVEMENTS. SHY, GIRLISH LEGS. Crisp and gentle profile, and such gay, such bright lips. OH, HAPPINESS! She slumps a little, but in her this is lovely. Always cheerful - without reason or incitement.*

Structure of the mouth is slightly flawed, but in her even this is charming, However, the best thing about her was her kindness, which she radiated as easily as the sun gives off light and heat...NEXT SCENE. Waltz. Light conversations. Viennese pastry. Two servants in silk gloves. Grand staircase with rented palms... He appears. OF COURSE, HE IS SERVING SOMEWHERE. Combed hair, trimmed moustache, learned in the art of kissing ladies' hands. CONNECTIONS. Wears a uniform – that is he wears on his forehead, buttons and front and back some emblems, like eagles, axes, stars. In other words, he is serving somebody and somewhere. THIS CHAPTER IS THE SHORTEST. Marriage, relatives' whispers. DEPARTURE ABROAD... Actually, I am leaving it to the reader to complete the scene for himself, of read it from the immortal writer Turgenev. This man made her pregnant many times. He destroyed her purity and her beauty through frequent childbearing. He made her a cook, a participant in cheap gossip. He defiled her soul with all the petty grievances of the establishment in which and for which he served. The ending is near. SHE DIED. A year passed, and he married another. In a year and a half he could no longer remember what she looked like. It would seem to you, my reader, that nothing was left of the sweet-smelling flower, and that we should end the story in this place. NO. Something was left! One winter she was sitting by the piano, and, just... out of boredom... played sad chords on the black keys. And the poet, whom she probably did not notice, who was tolerated in her house out of pity, saw her hands. THESE WERE THE SHINING LUMINOUS HANDS. Hands which any woman would have proudly displayed to the world! Hundred years had passed. Long since dead are the parents, and the servant in silk gloves, and the beautiful flower, trampled by someone's feet. Also dead, in the position of an advisor to someone or something, is the hero of our story. Yet, if the poet wanted, he could have given immortality to those hands caressing the black keys in the sad winter light. A. I. KUPRIN. P.S. THIS STORY WAS WRITTEN FOR THOSE WHO UNDERSTAND THAT THE GREATEST SUFFERING AND THE GREATEST PLEASURE IS THOUGHT.

Настоящий пример свидетельствует о том, что доминирование в тексте элементов, отнесенных к зоне ближней периферии, подразумевает существенное влияние межъязыковых преобразований на содержание ПТ по отношению к ИТ. Это подтверждает тезис о том, что любой перевод представляет собой новый текст или интертекст, а не замену оригинала на другом языке. В этом смысле, несмотря на то, что «очевидно ... одной из самых распространенных ситуаций, когда распознавание цитации и ее формально-смысловой соотнесенности с текстом-источником происходит практически автоматически, без усилий, является обращение к тексту-переводу» [Литвиненко 2002: 151]; полученные результаты оспаривают утверждение Н. А. Кузьминой о ядерном статусе перевода в аспекте интертекстуального явления, если понимать его как прямую цитату исходного текста на иностранном языке.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косиковой. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
- Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 250 с.
- Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
- Денисова Г. В. Интертекстуальность и семиотика перевода // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковник, 2001. С. 112–128.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2004. 656 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 272 с.
- Кузьмина Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста. 2001. URL: <http://www.quebec.ru/Translation/Page3.htm> (дата обращения: 7.11.2010).
- Куприн А. И. Сказка о затоптанном цветке. 1910. URL: http://liv.piramidin.com/belas/Kuprin/skazka_o_zatopt.htm (дата обращения: 04.02.2013).
- Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 308 с.
- Литвиненко Т. Е. Проблема передачи значения интертекстуальных единиц в художественной прозе // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы): материалы междунар. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2002. С. 150–155.
- Торон П. Тотальный перевод. Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1995. 220 с.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 282 с.
- ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- АВВУУ Lingvo ×5 Русская версия: электронный словарь. М., 2011.
- British National Corpus: корпус британского английского языка. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2013).
- Barthes R. Texte // Encyclopaedia Universalis. P., 1973. Vol. 15. 239 p.
- Kuprin A. I. Tale of a Trampled Flower / transl. K. Lerman, 1985. URL: <http://www.isi.edu/~lerman/literature/Tale.html> (дата обращения: 04.02.2013).

References

- ABBY Lingvo* – 5 Russkaja versija: elektronnyj slovar' [Russian version: electronic dictionary]. Moscow, 2011.
- Akhmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaja Ehnciklopedia Publ., 1969. 608 p.
- Barthes R.* Izbrannye raboty: semiotika, poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 615 p.
- Barthes R.* Texte. // Encyclopaedia Universalis. P., 1973. Vol. 15. 239 p.
- British National Corpus.* Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
- Denisova G. V.* Intertekstual'nost' I semiotika perevoda [Intertextuality and semiotics of translation]. Tekst. Intertekst. Kul'tura [Text. Intertext. Culture]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001. P. 112–128.
- Denisova G. V.* V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 298 p.
- Kobozeva I. M.* Lingvisticheskaja semantika: uceb. posobie [Linguistic semantics: a textbook]. Moscow, URSS Ehditorial Publ., 2000. 352 p.
- Kubryakova E. S., Demjankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G.* Kratkij slovar' kognitivnykh terminov [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, Philology faculty of MSU Publ., 1997. 245 p.
- Kuprin A. I.* Skazka o zatoptannom cvetke [A fairy-tail of a trampled flower]. 1910. Available at: http://liv.piramidin.com/belas/Kuprin/skazka_o_zatopt.htm (accessed 04.02.2013).
- Kuprin A. I.* Tale of a Trampled Flower. Tanslat. K. Lerman, 1985. Available at: www.isi.edu/~lerman/literature/Tale.html (accessed 04.02.2013).
- Kuz'mina N. A.* Fenomen khudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta [Phenomenon of literary translation in terms of the theory of intertext]. 2001. Available at: <http://www.quebec.ru/Translation/Page3.htm> (accessed 07.11.2010).
- Kuz'mina N. A.* Intertekst I ego rol' v processakh ehvoljucii poehticheskogo jazyka [Intertext and its role in the poetic language evolution processes]. Moscow, URSS Ehditorial Publ., 2004. 272 p.
- LED – *Lingvisticheskij ehncyklopedicheskij slovar'* [LED – A linguistic encyclopaedic dictionary] / Chief editor V.N. Jarceva. Moscow, Sovetskaja ehnciklopedia, 1990. 683 p.
- Litvinenko T. E.* Intertekst i ego lingvisticheskie osnovy (na materiale latinoamerikanskikh khudozhestvennykh tekstov) Aftoreferat diss. ...d-ra philol. nauk [Intertext and its linguistic foundations (a case study of Latin American literary texts). Abstract of a thesis ... doctor of economic sciences]. Irkutsk, 2008. 34 p.
- Litvinenko T. E.* Intertekst v aspektakh lingvistiki I obshhej teorii teksta [Intertext in terms of linguistics and general theory of text]. Irkutsk, ISLU, 2008. 308 p.
- Litvinenko T. E.* Problema peredachi znaniya intertekstual'nykh edinic v khudozhestvennoj proze [The problem of transferring intertextual units in fictional prose]. Russkij jazyk v krugu mirovykh jazykov I jazykovoje planirovanie v XXI veke (tradicii, innovacii, perspektivy): materially mezhdunarodnoj konferencii [The Russian language among the world languages and language planning in the XXIst century: proceedings of an international conference]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic Univ. Publ., 2002. P. 150–155.
- Schweitzer A. D.* Perevod I lingvistika [Translation and Linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973. 282 p.
- Torop P.* Total'nyj perevod. Tartu: Tartu universitety Publ., 1995. 220 p.
- Valgina N. S.* Teorija teksta: uceb. posobie [Theory of text: a textbook]. Moscow, Logos Publ., 2003. 250 p.

TRANSLATION AS INTERTEXTUAL FORMATION

Julija M. Alekseeva

Postgraduate Student in the Department of Spanish and Italian Languages
Irkutsk State Linguistic University

The paper analyzes translated text as intertext, in which translation units are equal to intertextual units. Translation and intertextual units are regarded as elements of the prototypical category, structure of which is predetermined by the secondary discursive status of the types of text under study. According to the subject matter, among various translation units associated with different language levels we have chosen a sentence of translated text to be an object of categorization. The sentence is regarded as a citation from a prior text, which is a source text. The common criterion categorizing both units of translation and citations, which has impact on the whole text, is reproduction accuracy against the occurring transformations, or equivalence in terms of translation theory. This criterion allowed for determining core and peripheral class members within the prototypical category of the observed units depending on the degree and nature of the interlingual transformations. As a result, we have analyzed the reproduction accuracy of the whole translated text as a complex citation of the source text or, in other words, prior text.

Key words: translation; intertext; translation units; intertextual units; prototypical category.